

УДК 94(47) + 355/359

В.И. БАЯНДИН

НАЧАЛО РЕКРУТСКОГО ПУТИ: ОТ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА ДО МЕСТА СЛУЖБЫ (XIX в.)

канд. ист. наук
Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: p.bayandin@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о том, как проводились рекрутские наборы в России в XIX в. Показано, как доставлялись рекруты в рекрутские присутствия и кто отвечал за их доставку. Анализируется вопрос, как передвигались рекрутские партии по территории Сибири и куда могли быть направлены сибирские рекруты для несения военной службы.

Ключевые слова: Рекрутский устав 1831 г., Русская армия, сибирские рекруты, рекрутский набор, рекрутские партии.

Молодых людей, забираемых в Русскую армию, чаще всего в XIX в. именовали *рекрутами*, а в последнюю четверть века, с переходом к всеобщей воинской повинности, *новобранцами*, хотя слово «рекруты» еще долго употребляется как в разговорах, так и в официальных документах на рубеже XIX–XX вв.

В 1860–1870-е гг. современники отмечали: «Рекруты шли в присутствие (Рекрутское. – В. Б.) с грустными лицами, их сопровождали плачущие отцы; жены и матери голосили и причитали по-старому. Так было в минувшем наборе. Но затем картина несколько изменилась» [1, с. 51]. Изменение в настроении рекрутов

было связано с сокращением срока военной службы: в начале XIX в. срок службы составлял 25 лет, перед Крымской войной – 20 лет, а затем срок службы стал быстро сокращаться [2, с. 79]. Официально срок службы рекрута начинался с 1 января следующего после приема на военную службу года. Однако молодой человек покидал свой дом осенью, во время набора рекрутов. Как правило, со дня отправки рекрута на призывные пункты и до дня прибытия его в воинскую часть проходили месяцы. Вопрос о том, чем были заняты в этот период рекруты, в исторической литературе специально не рассматривался.

Основные положения набора рекрутов в XIX в. определялись двумя документами: Уставом рекрутской повинности и военной службы евреев (1827 г.) и Уставом рекрутским (1831 г.).

Очередному набору рекрутов обязательно предшествовал царский манифест, в котором объявлялось о предстоящем наборе на военную службу. В качестве примера обратимся к манифесту Николая I от 31 июля 1836 г.: «О производстве общего по государству рекрутского набора, кроме Грузии и Бессарабии, с тысячи душ по 5 рекрутов». Набор рекрутов было приказано провести за два месяца – с 1 ноября по 31 декабря. Рекрутские наборы до 7 чел. с тысячи относились к категории обыкновенных наборов [3, с. 99]. В манифесте называлось время проведения набора, определялись его территориальные рамки. Манифест публиковался как в центральных, так и в местных изданиях (обычно в губернских ведомостях). Министерство внутренних дел проводило разверстку рекрутов по губерниям и областям империи и затем сообщало эти данные губернаторам. Получив эти сведения, местные казенные палаты рассчитывали количество рекрутов для каждого рекрутского участка.

В каждой губернии имелось губернское рекрутское присутствие и несколько уездных рекрутских присутствий (в дальнейшем р. п. – В. Б.). В состав губернского р. п. входили председатель (вице-губернатор) и члены: местный уездный предводитель дворянства, советник казенной палаты, управляющий хозяйственным отделением, чиновник от военного ведомства (военный приемщик) и медицинский чиновник. В уездных городах председателем назначался дворянский предводитель уезда, а членами – дворянские предводители от двух ближайших уездов, местный городничий, военный приемщик, медицинский чиновник. Если в уезде не было предводителя дворянства, то вместо него назначался уездный судья. Кроме того, в р. п. на время проведения набора на военную службу направлялся офицер корпуса внутренней стражи и унтер-офицер с необходимым количеством нижних чинов и цирюльников¹.

Помимо составления рекрутских списков городские и сельские общества должны были выбрать из своей среды и рекрутского старосту, в обязанности которого входило «...управление в своем участке всеми делами к рекрутской повинности относящимися...»².

Еврейскому обществу предписывалось избрать группу особых поверенных в количестве 3–6 чел. для исполнения «...распоряжений, относящихся к лежащей на оном рекрутской повинности»³.

Рекрутские списки и очереди проверялись казенными палатами, затем их вывешивали для общего обозрения. По свидетельству современников, вокруг очередных списков и рекрутских очередей возникали постоянные споры и конфликты.

В р. п. к назначенному сроку должны были быть доставлены молодые люди, у которых подошла очередь идти на военную службу. Помимо них общество отправляло и так называемых подставных, в количестве вдвое меньше, чем рекрутов. *Подставными* именовались молодые люди, которые должны были заменить назначенного в рекруты в случае, если комиссия обнаружит у него какие-нибудь недостатки, препятствующие приему на военную службу (слабое здоровье, недостаточный рост, серьезная болезнь и т. п.). За своевременную и полную доставку рекрутов отвечало общество, которое выбирало из своей среды особое лицо, именуемое *отдатчиком*, и поручало ему доставку людей в р. п. Отдатчику вручались: 1) рекруты и подставные, 2) необходимое число проводников, 3) собранные деньги и тетрадь для записи расходов, 4) общественный приговор об исполнении манифеста⁴.

Деньги, собираемые при рекрутском наборе, предназначались на обмундирование рекрута, провиант в течение первых трех месяцев и жалование рекруту. Денежные расходы общества были весьма значительны. Так, во время рекрутского набора 1836 г. только на обмундирование каждого рекрута необходимо было собрать по 33 руб. Кроме того, общество должно было выдать рекруту и наградные деньги, чаще всего в размере нескольких рублей. В Сибири время в пути составляло иногда недели, поэтому денежные расходы на доставку рекрутов и обратную дорогу подставных составляли значительную сумму.

В качестве примера можно привести участок Макарьевской волости Киренского округа Иркутской губернии с центром в с. Марковском, включавший в 1874 г. 78 деревень с общей численностью 4 822 души муж. пола. При этом в 13 деревнях насчитывалось до 25 душ (в каждой), в 24 деревнях – до 50, в 26 деревнях – до 100, в 14 деревнях – до 150, а в самом крупном селении было 174 души муж. пола. Расстояние же между призывным пунктом и некоторыми деревнями было велико даже по сибирским меркам. Так, 13 деревень находились на расстоянии до 50 верст, 21 деревня – до 100, 19 деревень – до 150, 9 деревень – до 200, 6 деревень – до 250, 5 деревень – до 300, 2 деревни – до 350, еще 2 деревни – на расстоянии до 400 верст⁵.

Тот факт, что закон освобождал от рекрутской повинности русское население ряда малонаселенных мест Сибири, объясняется поэтому не заботой правительства о благе своих подданных и не стремлением

³ Там же. Т. 2: 1827 год. СПб., 1830. С. 729.

⁴ Там же. Т. 6. Отд. 1. С. 526.

⁵ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 456. Оп. 2. Д. 1. Л. 14 об. – 17.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2-е. Т. 6: 1831 год. Отд. 1. СПб., 1833. С. 520, 521, 522.

² Там же. С. 506.

государства способствовать хозяйственному освоению малозаселенных восточных территорий, а исключительно желанием сократить казенные расходы на проведение рекрутских наборов.

Отдатчик был обязан представить рекрутов и подставных в р. п., а собранные деньги сдать в казенную палату. Комиссия тщательно осматривала молодых людей, поступивших в рекруты. Если человек, по мнению комиссии, соответствовал требованиям, то председатель р. п. приказывал принятому в рекруты обрить лоб: «Сие объявление означало провозглашение слова: ЛОБ, повторяемое унтер-офицером, который выводил рекрута... в особую комнату...»⁶. В этой комнате молодого человека ожидал цирюльник, который брил ему лоб и бороду (если последняя у него была), и с этого момента рекрут поступал под надзор военного приемщика. У молодых людей, представленных в р. п., но по каким-то причинам на военную службу не взятых, брили затылок (бритье затылков отменили лишь в 1863 г.).

Взятого в рекруты в тот же день приводили к присяге. Если рекрут по каким-либо причинам отказывался принимать присягу, его все равно отправляли на военную службу, но в формулярном списке рекрута делалась соответствующая запись [4, с. 549]. В Рекрутском уставе 1831 г. подчеркивалось, чтобы принятые на службу рекруты «<...> были разбиты на артели, так чтобы в каждой <...> было не менее десяти человек. Рекруты, к единой артели принадлежащие, обязывались круговой поручкой смотреть за поведением друг друга и за тем, чтобы никто из них не убежал»⁷. Категорически запрещалось куда-либо отпускать принятых рекрутов даже на короткое время («В домашний отпуск ни с поручками, ни без порук рекрут не увольнять»⁸). Если же рекруту удавалось бежать до принятия присяги, то ответственность за этот проступок возлагалась на общество, из которого он был взят на военную службу, и общество в течение трех дней должно было выставить другого рекрута взамен бежавшего.

После окончания рекрутского набора уездные р. п. прекращали свою деятельность, но губернское р. п. работало до тех пор, пока еще оставались непринятые рекруты (временно отсутствующие, бежавшие, укрывшиеся). Обычно рекрутские наборы проводились в конце года (ноябрь-декабрь), и для Сибири это создавало трудности с доставкой молодых людей в р. п. (сильные морозы, обильные снегопады, метели), на что нередко жаловались сибирские власти⁹.

«Рекруты как только бывают собраны в команду имеют обыкновение спрашивать: “Когда выгонка и куда?”, т. е., когда будет отправлена партия рекрутов в войска и куда им придется отправляться. В прежнее время рекрутам обыкновенно отвечали, что выгонка будет недели через две-три и называли какую-нибудь неизвестную страну, ибо в географических познаниях рекрут, кроме своей губернии да двух-трех соседних

губернских городов, ничего не знает, да и те кажутся ему Бог весть какой страшной далью...» [1, с. 52].

В ожидании отправки к местам службы принятые в рекруты размещались по квартирам городских обывателей, которые обязаны были их кормить: «Обыватели кормят рекрута два раза в сутки, мясом или рыбою, с хлебом, кашею или иною сытной пищей, какая у них будет». В местах приема рекрутам выдавали форменную одежду. В местах производства набора рекрутов, после приема их на службу, должны были приучать «...правильно стоять, ходить в ногу, уметь делать повороты...» В праздничные дни предписано было водить рекрутов в церковь.

Во время приема рекрутов из них формировали команды (партии) для отправки в воинские части. Партии рекрутов могли быть обыкновенными (от 50 до 300 чел.) или большими (от 300 до 500 чел.).

С момента отправки партии для рекрута начиналась заключительная часть пути к месту службы. Эта дорога была значительно длиннее и сложнее, чем от дома к р. п. Если рекрутскую партию направляли в Сибирь или на Дальний Восток, то время в пути в первой половине XIX в. измерялось месяцами.

Свод военных постановлений 1839 г. содержит важный документ: «Наставление офицерам, отряжаемым к отводу рекрутских партий с мест набора в места распределения их» [4, с. 73]. В нем подробно и детально (всего 231 статья. – В. Б.) описаны права, обязанности, мера ответственности, а также действия офицера, отвечавшего за движение рекрутской партии.

Офицер должен был принять партию, а именно: «1) бумаги к ней относящиеся, 2) людей, оную составляющих, 3) одежду рекрутскую, 4) деньги казенные и собственно рекрутские» [4, с. 14]. Офицер обязан был принимать каждого рекрута по отдельности по формулярному списку и выяснять: «1) Имя, отчество, прозвище, лета от роду, откуда и за какое общество или за каких помещичьих крестьян поступил на службу, имеет ли жену, детей <...> знает ли мастерство и сколько собственных его денег у того лица, которое сдает его офицеру. 2) Проверяет приметы рекрута и все ли телесные недостатки его, если он их имеет, описаны в формулярном списке. 3) В заключении офицер спрашивает, не имеет ли рекрут жалоб на лицо, которое сдает его офицеру...» [4, с. 16].

Для сопровождения рекрутов назначались нижние чины, которых именовали *конвойными*. Для сопровождения партии, насчитывающей 50 рекрутов, назначалось пять нижних чинов, для 100 рекрутов – десять, если в партии было большее количество рекрутов, то на каждые 15 рекрутов назначался дополнительно один нижний чин. Кроме того, трех солдат выделяли для охраны сундука, в котором хранились документы и деньги всей партии. На каждые 25 нижних чинов назначался один унтер-офицер. Если маршрут рекрутской партии был длинным и проходил через несколько губернских городов, то в каждом из них конвой полностью меняли. Таким образом, при направлении рекрутской партии в Сибирь состав конвойных команд мог поменяться до десятка раз.

Закон разрешал женатым рекрутам брать с собой семью – жену и детей. При этом расходы на содержание

⁶ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 6. Отд. 1. С. 531.

⁷ Там же. С. 550.

⁸ Там же. С. 551.

⁹ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 341. Л. 91–91 об.

семьи рекрута в пути следования (выплату кормовых денег, оплату крестьянских подвод и проч.) брало на себя государство.

В 1843 г. из сибирских губерний было взято 2 329 рекрутов: из Тобольской – 1 372, из Томской – 238, из Енисейской – 316, из Иркутской – 403 чел. Их распределили следующим образом: в Отдельный Оренбургский корпус – 1 251 чел., в Отдельный Сибирский корпус – 393, в Отдельный Гренадерский корпус – 75, в 17-ю пехотную дивизию – 460, на Ижевский оружейный завод – 40, на Казанский пороховой завод – 40 чел. Остальные рекруты были направлены в артиллерийские воинские части Урала и Сибири¹⁰.

Движение пеших рекрутских партий по Сибири было весьма продолжительным. Так, расстояние в 529 верст от Томска до Каинска (Томская губ.) рекруты проходили за 31 день; 1 896 верст от Томска до Златоустовских заводов – за 133 дня, а 2 295 верст от Красноярска до Екатеринбурга – за 164 дня¹¹. После того как рекрутские партии стали перевозить на крестьянских подводах, скорость движения увеличилась примерно вдвое. Кроме того, перестали делать дневной отдых после трех дней пути. В 1871 г. расстояние в 373 версты от Барнаула до Томска рекрутская партия преодолела всего за 7 дней¹².

Побеги рекрутов с мест приема или из рекрутской партии были нередким явлением, за первый побег рекрут наказывался шпицрутенами «...сквозь строй в пять сот человек один раз», за последующие проступки наказания назначались более суровые.

Вполне естественно, что и в проведении рекрутских наборов в XIX в. происходили определенные изменения. Менялись возрастные границы набираемых рекрутов, время и сроки проведения набора, требования к физическому состоянию и здоровью рекрутов и т. п. Весной 1860 г. император Александр II подписал закон о запрещении отдавать в рекруты людей за преступления и проступки [5, с. 34], а в 1863 г. последовало указание уменьшить количество конвойных нижних чинов, сопровождавших рекрутов, и приказано, чтобы конвойные не имели при себе винтовок [6, с. 52].

Если рекрутская партия двигалась в пешем порядке, то обывательские подводы выделялись только для перевозки заболевших, вещей рекрутов и отдельная подвода для офицера. По Сибири передвижение рекрутских партий во второй половине XIX в. (до постройки Транссибирской железной дороги. – В. Б.) осуществлялось на крестьянских подводах. Подчеркнем: экономия сил рекрутов и облегчение тяжести длительного пути не являлись предметом заботы со стороны властей: главной причиной, как и обычно, была экономия государственных расходов.

За отправку партий рекрутов отвечал командир местного батальона внутренней стражи, который после отправки каждой партии был обязан отправлять несколько донесений: 1) губернаторам тех губерний, через которые должна проследовать рекрутская партия;

2) в Инспекторский департамент Военного министерства (с приложением именного списка рекрутов); 3) корпусным командирам внутренней стражи; 4) военному начальству, которому предназначались эти рекруты. В донесениях сообщалось время выхода рекрутской партии, количество рекрутов и нижних чинов конвойной команды, фамилия офицера – командира партии

После принятия присяги рекруты уже подчинялись законам военного ведомства. Командовавший рекрутами офицер мог наказать провинившегося розгами (максимальное наказание – 50 ударов). Закон требовал, чтобы наказание рекрута, как и выдача ему денег, производилось непременно публично, в присутствии всей рекрутской партии. Была предусмотрена и ответственность офицера за неправильные решения или действия: «За употребление рекрут собственно для себя или для посторонних лиц в работу <...> непомерную убыль рекрут происшедшую от небрежения, а именно, когда из ста человек будет более десяти умерших, бежавших и отосланных в госпиталь...» офицера могли отдать под суд¹³.

Распределением рекрутов по полкам и командам занимался Инспекторский департамент Военного министерства. В Своде военных постановлений 1859 г. отмечалось: «Рекрут, предназначенных для укомплектования Отдельного Сибирского Корпуса, следует назначать из Казанской и Вятской губерний, а рекрут из сибирских губерний обращать на укомплектование других корпусов». При этом указывалось, что в этапные сибирские команды рекрут сразу не назначать, «дабы по крайней мере в течение двух лет приобвыкли они к батальонной фронтальной службе» [7, с. 237]. Как известно, этапные команды предназначались для конвоирования ссылаемых преступников, поэтому отбор нижних чинов в состав таких команд проводился достаточно тщательно.

Доставленных к местам службы рекрутов сдавали под расписку местному военному начальнику. Протицируем архивный документ: «Партионного начальника 1-й Томско-Красноярской рекрутской партии поручика Елисеева. 24 марта 1871 г. г. Красноярск. Господину губернскому воинскому начальнику. Рапорт. Прибыв в г. Красноярск с порученной мне партией в числе 249 человек рекрут и 4 рекрутских жен, где оную согласно личного приказа и. д. Енисейского губ. воинского начальника сдал командиру 52 Красноярского губернского батальона. Ныне, вследствие данного мне и. д. Енисейского губернского воинского начальника предписания от 22 марта с. г. за № 3140 я принял 1-ю Томско-Енисейскую рекрутскую партию в числе 143 человек и 8 жен, откуда и выступаю 24 марта с. г. в с. Рыбинское для останковки во время распутицы, впредь до особого распоряжения. О чем доношу. Партионный начальник поручик (подпись. – В. Б.)»¹⁴.

Доставленных к своим воинским частям рекрутов в первой половине XIX в. направляли в особые рекрутские депо, где в течение нескольких месяцев их обучали премудростям военной службы.

¹⁰ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 210. Л. 274 об. – 275 об.

¹¹ Там же. Л. 292–293 об.

¹² Там же. Ф. 502. Оп. 1. Д. 19. Л. 47.

¹³ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 6. Отд. 1. С. 559.

¹⁴ ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 19. Л. 30 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русское военное обозрение // Военный сборник. 1865. № 7. Июль.
2. Баяндин В.И. Изменение срока службы в русской армии в XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2.
3. Баяндин В.И. Организация рекрутских наборов в Сибири во второй половине XIX в. // Вестник НГУ. Сер. история, филология. Новосибирск. 2005. Т. 4, вып. 2.
4. Свод военных постановлений 1839 года. СПб., 1839.
5. Русское военное обозрение // Военный сборник. 1861. № 6. Июнь.
6. Краткий отчет о деятельности Военного министерства в 1863 году // Военный сборник. 1864. № 3. Март.
7. Свод военных постановлений 1859 года. СПб., 1859.

*Статья поступила
в редакцию 01.12.2011 г.*